Мы счастливые люди.

"Коммерсантъ Власть", 7 июля 2014 года

<http://www.kommersant.ru/doc/2503485?isSearch=True>

Ольга Алленова

До конца 2014 года в Семейном кодексе РФ появится понятие "профессиональная семья" — соответствующие поправки обещает внести Министерство образования и науки. Для чего нужны профессиональные семьи и кто может получить статус такой семьи, выясняла Ольга Алленова.

"Мне сказали: "А зачем вы рожаете?""

Поселок Красный Бор, Тосненский район Ленинградской области. Грунтовка, местами поросшая травой, старые дома барачного типа, построенные еще в первой половине прошлого века. В маленьком сельском магазине, расположенном в таком же деревянном бараке, покупаю конфеты. Местные жители говорят, что все, кто мог, отсюда давно уехали. Работы нет, жилье старое, инфраструктуры для развития детей нет, город далеко, в общем — обычный депрессивный поселок, в Ленинградской области таких много. Часть домов перешла в маневренный фонд органов соцзащиты — для поселения семей, не имеющих жилья. Елена Викульева с мужем и детьми живут здесь последние десять лет.

Я поднимаюсь на второй этаж по чистой, опрятной лестнице. Стены и потолок недавно выкрашены и разрисованы детской рукой. В четырехкомнатной квартире тоже чисто и уютно. Елена провожает меня по длинному коридору в маленькую кухню — проходя мимо большой комнаты, вижу красивого, седого мужчину с младенцем на руках. Это муж Елены Геннадий и временно размещенный у них сирота Сережа.

— Я сама выросла без родителей, мать умерла, отец потом тоже. У меня еще сестра и брат есть, мы все в приют попали. Но меня бабушка из приюта сразу забрала. Я с ней жила до самой ее смерти. У бабушки дом был. Но она его разделила между сыновьями и мной. Мне досталось чердачное помещение, а дом дяди мои продали. Там, на чердаке, я жила с первым мужем, там родился старший сын.

Лена ставит чайник на газовую плиту и пододвигает ко мне вазу с конфетами.

— Муж у меня был непутевый. Ушел от нас. Встретила Геннадия. Он старше меня на 19 лет. Ну что... Живем уже 18 лет вместе. Пятерых ребятишек родили.

Когда детей стало трое, жить на чердаке стало тесно. Елена обошла много чиновничьих кабинетов, чтобы ей наконец выделили квартиру вот в этом бараке. И считает, что ей крупно повезло — таких бездомных много, маневренного фонда на всех не хватает. Родственники помогать ей не могут — сами живут трудно. Один дядя только и "выбился в люди" — живет в Петербурге, имеет хороший доход.

— Но он мне сразу сказал: "Ты много рожает, я тебе помогать не буду", — Лена снимает чайник с плиты и разливает кипяток по чашкам. — А я не обижаюсь. Мне бабушка всегда говорила: "Если забеременеешь, не бери грех на душу, не травми дитя". Я ни разу аборт не делала. Сколько родила — все мои.

Из коридора прямо мне под ноги мчится котенок, за котенком бежит девочка с двумя "хвостами" на голове, — увидев меня, замирает, потом хватается за котенка и исчезает за дверью.

— Это Аня, ей восемь, — говорит Лена. — Она во втором классе. Учится хорошо, на пятерки.

Все дети Лены и Геннадия учатся хорошо. И это одна из причин, по которой им дали социальное жилье больше и просторнее. Даже 17-летний Игорь, которому 10 лет назад поставили диагноз ЗПР (задержка психического развития), сейчас почти отличник.

— Когда Игорю поставили этот диагноз, нам сразу сказали: "Идите в коррекционную школу", — вспоминает Лена. — Он там проучился два года. Потом учительница из нашей школы, общеобразовательной, позвонила мне: "Приводите его к нам". Я ездила к врачу, он меня пугал: "Вы что, зачем травмировать ребенка, он не потянет". Я поехала в Ленинград, к одному известному психиатру. Он посмотрел на нас и говорит: "У вас в семье все низкого роста?" Я отвечаю: "Да, все". "Никакого ЗПР у парня нет, — говорит он мне, — просто невысокий". И в девять лет Игорь пошел в первый класс. У него всего три четверки, он почти отличник. И стал чемпионом области по тхэквондо. Хотите, грамоты и медали покажу?

Лена оживает, ведет меня в спальню мальчиков. Там примерно треть стены завешана свидетельствами достижений Игоря. Игорь, красивый, крепкий парень, смущенно улыбается: "Да ничего особенного".

— А ведь мне врачи наши из него чуть инвалида не сделали! — возмущенно говорит Лена, когда мы возвращаемся в кухню. — Остался бы он в этой коррекционной

школе — уже не выбился бы. У нас тут, знаете, и для обычных детей шансов мало чего-то добиться. А в коррекционной они вообще никому не нужны.

Лене ее дети нужны. Она говорит, что это смысл ее жизни. Она не пропустила ни одного родительского собрания в школе. Она водит девочек на занятия к педагогам музыкальной и художественной школ, которые приезжают в Красный Бор из Тосно — в самом поселке есть только неполная общеобразовательная школа. Из-за детей она ушла с работы.

— Я работала дворником, но зимой мне дали вместо семи домов — двадцать. Я поняла, что не успеваю заниматься с детьми, не успеваю проверять уроки, и мне пришлось уволиться. Оказалось, что, кроме работы, я потеряла еще и детские пособия — 1900 руб. на моих пятерых детей. У нас в области такое правило: если мать не работает и не стоит на учете по безработице, а дети — старше трех лет, то пособие на детей ей не платят. На учет меня не ставят, я же сама с работы ушла, меня не сократили. И единовременное пособие в размере 12 тыс. руб., которое платят раз в год, я тоже потеряла. Мы рассчитывали получить его в августе, к школе. Это значит, придется в школу детей собирать своими силами. Я ходила к нашим чиновникам, пыталась добиться, чтобы детские пособия мне вернули, но мне сказали: "А зачем вы рождаете?"

Коммунальные услуги обходятся семье в 4, 5 тыс. руб. в месяц. Постоянно нужны деньги на еду и одежду. За все кружки и занятия с детьми в школах семья платит 50% от стоимости обучения. Геннадий — автослесарь, работа появляется от случая к случаю. Но они стараются. И ни от одного кружка, ни от одной спортивной секции не отказались.

— Одежду мы стараемся покупать хорошую, в фирменных спортивных магазинах, она качественная, не портится и переходит от одного ребенка к другому, — делится секретами многодетной семьи Лена.— Продукты покупаем сразу, как деньги появляются,— крупы, муку, макароны, чай. Нас, многодетных, делают какими-то ущербными, несчастными, обиженными. Но мы не ущербные. Мы счастливые люди, у нас прекрасные дети.

"Я бы их всех забрала"

В дверь звонят — приехала специалист из органов опеки и попечительства Тосненского района Елена Калугина. С самого начала мы договаривались, что она будет присутствовать во время моего визита в эту семью. Потому что совсем недавно Лена и Геннадий стали профессиональной семьей, и сейчас в доме живет Сережа. Ему чуть больше двух месяцев.

Елена Калугина заходит с пакетом конфет и игрушек. Лена разливает свежий чай.

— Мы только начали этот проект,— рассказывает Калугина.— Администрация Ленинградской области познакомила нас с некоммерческой организацией "Партнерство каждому ребенку", которая развивает проект "Дорога к маме". Малышей, от которых отказались мамы, они по согласованию с органами опеки размещают в профессиональные семьи — до тех пор, пока малыша не усыновят настоящие приемные родители. Мы подумали: "А почему бы и нет?" Мы вообще с интересом принимаем новые идеи, если это в интересах ребенка.

В Ленинградской области 13 районов, но именно Тосненский район занимает первое место в области по "отказным" детям. По словам Калугиной, 70% женщин, отказавшихся от новорожденных детей в роддоме, не прописаны в районе: "У нас в Тосно клиническая межрайонная больница, и многие женщины из соседних районов едут сюда, если там родильные дома закрыты на профилактику. Много женщин, которые прописаны в других районах, а здесь живут. А кто-то намеренно едет сюда рожать, чтобы родные не узнали о ребенке".

Каждый год 12-13 женщин отказываются от своих новорожденных детей в Тосно. Калугина говорит, что количество отказов не уменьшается, а, напротив, растет. Органы опеки и попечительства сначала пытаются поговорить с самой мамой, потом с ее родственниками — бывает, что родственники забирают ребенка к себе.

— Но если мамы не из нашего района, наша работа усложняется,— говорит Елена Калугина.— Найти родственников женщины в другом районе бывает проблематично, это занимает много времени. У нас нет своей машины, специалистов мало. Делаем запросы, на это уходит время. А ребенок все это время живет в больнице. Хорошо, если в доме ребенка есть место и малыша переводят туда. Но это бывает нечасто.

В условиях больничной изоляции ребенок начинает отставать в развитии уже в первые месяцы жизни: к нему никто не подходит, когда ему что-то нужно, и он плачет; с ним никто не разговаривает; его никто не берет на руки. Размещение в профессиональной семье дает ребенку толчок к дальнейшему развитию. "Мы, конечно, стараемся поместить ребенка в профессиональную семью только тогда, когда уверены, что его усыновят,— говорит Елена Калугина.— Если нет семьи, которая хочет его взять, она может и не появиться. А ребенок может жить в профессиональной семье только полгода. Потом его придется оттуда забирать в дом ребенка, а это большая травма".

Если ребенок здоров, желающих взять его в семью достаточно, и рано или поздно он уйдет в настоящую семью даже из больницы. Однако для детей, страдающих разными заболеваниями, жизнь в профессиональной семье — единственный шанс.

У Сережи нет ни ВИЧ, ни гепатита, ни фетоалкогольного синдрома, как это часто бывает у отказных детей. У его мамы есть работа и взрослые дети, но она решила, что ребенок в ее жизни лишний. Елена Калугина говорит, что представителям опеки поговорить с мамой не удалось — она не открывала им дверь, не подходила к телефону.

Когда Сережа родился, у жителей Петербурга Марины и Дмитрия уже были на руках все документы, подтверждающие их право стать приемными родителями. Поэтому Сережу отвезли в профессиональную семью в Красный Бор — пока его новые родители завершают процесс усыновления.

Пока мы пили чай, приехала Марина — приемная мама лет сорока, с хорошим, добрым лицом. Она приезжает два раза в неделю и проводит тут полдня, чтобы Сережа к ней привык. Мы заходим в комнату, где Марина качает Сережу в удобной, современной люльке. Люльку, коляску, кроватку, памперсы предоставляет организация "Партнерство каждому ребенку", придумавшая этот проект.

— Мы хотели совсем малыша,— говорит Марина, как будто извиняясь.— Хотели видеть, как он растет, как произносит первые слова.

Щекастый Сережа внимательно смотрит на будущую маму. В два месяца он набрал 6 кг, педиатр называет его крепышом и отмечает хорошее развитие. Когда дети живут в больнице, они плохо набирают в весе.

— Эта семья для нас — находка,— говорит Калугина.— Мы видим, как они воспитывает своих детей. Лена — хорошая мать. Сейчас мы нашли еще одну профессиональную семью, будем развивать этот проект.

Сережа хнычет, Марина берет его на руки, и он успокаивается. Когда Марина уйдет, у Сережи появится сразу несколько нянек — дети Викульевых любят ребенка и готовы сидеть рядом с ним часами. Брать малыша на руки Лена своим детям не разрешает — слишком большая ответственность. Поэтому младшая Аня все время просит мать разрешить ей хотя бы поменять Сереже памперс.

— Сережа для меня — второе дыхание,— говорит Лена.— Когда мы поехали за ним в больницу, там лежало еще пять отказников. Сердце разрывалось. Я бы их всех забрала. Вся моя семья его полюбила. И в детях моих теперь больше любви, и в

целом мы стали еще дружнее.

Первый опыт размещения малыша в профессиональной семье считают удачным и в опеке, и сами приемные родители: ребенок прекрасно развивается и получил значительно меньше психологических травм, чем такие же младенцы в сиротских учреждениях.

Но и для Лены с Геннадием эта работа — настоящее спасение.

— Когда наша опека предложила мне помочь Сереже, я согласилась, почему нет? А когда мне сказали, что за это еще и будут платить, я поблагодарила Бога за такую помощь,— говорит Лена.— Мы прошли курсы приемных родителей, собрали необходимые медицинские справки, органы опеки поговорили с каждым нашим ребенком. Когда опека приехала осмотреть наше жилье, их все устроило.

Чтобы органы опеки остались довольными условиями жизни этой семьи, родителям нужно было очень постараться. Десять лет назад, когда Лена с Геннадием и детьми переехали в этот дом, здесь не было водопровода. Его нет и сейчас, но хозяин поставил под окном бак, куда насос качает воду из природной скважины. А из бака вода по трубам поступает в дом. Поэтому в семье есть душ и стиральная машина — для многих жителей поселка это роскошь.

Теперь Лена считается трудоустроенной — она заключила договор с органами опеки и фондом "Партнерство каждому ребенку". Ежемесячно, даже если в доме нет "временного" ребенка, она получает зарплату, равную одному минимальному размеру оплаты труда — 7,3 тыс. руб. Если в семье появляется малыш, оплата увеличивается в три-пять раз (в зависимости от состояния здоровья ребенка). Наличие работы означает, что Лене вернут детские пособия на всех детей. И через три месяца после трудоустройства она может просить то самое единовременное пособие, которое раньше помогало ей собрать детей в школу.

Приемные семьи в районе получают по 12 тыс. руб. на ребенка в месяц и за каждого следующего плюс 2 тыс. руб. То есть приемная семья, воспитывающая 6 детей, получает от государства около 100 тыс. руб. Многодетная семья, не имеющая детей до 3 лет или с инвалидностью, может рассчитывать на мизерные детские пособия и единовременную помощь в размере 12 тыс. руб. в год. Такое несправедливое отношение к многодетным семьям — не вина органов опеки и попечительства или районных администраций, оно определяется социальной политикой многих российских регионов.

Впрочем, позитивные сдвиги есть, об этом говорит и Лена Викульева, и специалист органов опеки Елена Калугина. В Тосненском районе было два детских дома, остался один. В районе 37 приемных семей, некоторые из них совмещают статус приемной и партнерской (профессиональной) семьи. За последние годы семейное устройство в районе выросло. По словам Калугиной, приемные родители приезжают из разных регионов России, даже из Ханты-Мансийска. Стали забирать в семьи детей, на которых еще 10 лет назад никто не смотрел, с ВИЧ и гепатитом, а также подростков, братьев-сестер.

— Многое изменилось,— говорит Калугина.— По областному телевидению часто показывают детей, которые ждут родителей; на эту тему стали часто говорить, многие хотят помочь, взять ребенка. Выросли меры поддержки приемных семей, это тоже помогает: люди хотят воспитать ребенка, но ребенка надо кормить, одевать, развивать, обучать, и они не уверены, что справятся в финансовом плане. Это очень хорошо, что правительство стало поддерживать такие семьи.

В то же время Калугина признает, что развитие семейного устройства не решает всех проблем — сирот из детских домов забирают больше, но и в детские дома по-прежнему поступает много детей. Каждый год органы опеки и попечительства выявляют 60-80 детей, оставшихся без попечения родителей. Это дети из неблагополучных семей, где родители или пьют, или употребляют наркотики, или тяжело болеют, или уже умерли. Это огромная цифра для района. Многодетные семьи живут тяжело. Работы нет, а привязка детских пособий к справке с биржи труда ставит многие семьи за грань нищеты. Лена — исключение, у нее высокий материнский инстинкт, который заставляет ее биться за выживание. У ее родной сестры, выросшей в детском доме, жизнь сложилась иначе: она отдала в приют уже пятого ребенка. Младшую племянницу Лена успела забрать из детского дома и оформить опеку. Остальных ей не отдали — места в квартире мало.

— Я мечтаю о доме,— Лена задумчиво смотрит в окно.— Всю жизнь мечтаю. У бабушки были куры, утки, огород. Свой кусочек неба над головой.

— Разве вам как многодетной семье не положен бесплатный земельный участок? — спрашиваю Лену и понимаю, что наступила на большую мозоль.

Она машет рукой, становится сосредоточеннее и смотрит уже не в окно, а в стол.

— Некоторым семьям дали участки, заболоченные, заросшие деревом и кустарником. Семья должна сама вырубить деревья, провести свет, построить дом. Не построишь, значит, неэффективно используешь землю, заберут. А как строить, на что? Денег-то на стройку не дают.

Жилищный сертификат семья ждет давно — документы подали еще три года назад. Сертификат стоит 3,5 млн руб. На эти деньги Лена может купить в районе двухкомнатную квартиру. А она мечтает о доме. Говорит, что в дом взяла бы еще троих приемышей, любви на всех хватит.

Через десять дней суд решит судьбу Сережи, и Марина с Дмитрием заберут ребенка в Петербург в его новый дом.

— Нас на курсах приемных родителей учили, как не привязаться к ребенку, но это трудно, и мне, конечно, тяжело будет с ним расставаться,— говорит Лена.— Мы все Сережу полюбили. Но я знаю, что в новой семье ему будет хорошо. А мы поможем другому ребенку.

Провожать нас выходит вся семья — приветливые дети, спокойный Геннадий, домашняя Лена с котенком, повисшим на ее брюках. Марина выглядывает из комнаты — на руках у нее уснувший Сережа, на лице — улыбка Моны Лизы.

Я подвожу Елену Калугину до остановки маршрутного такси в сторону Тосно. Елена говорит, что многодетные семьи, несмотря на трудности, от детей не отказываются — борются за каждого, потому что привыкли бороться. И что на базе многодетных семей можно развивать институт профессиональной семьи: и опыт у них есть, и семьям будет помощь от государства в виде постоянной работы. Впрочем, профессиональной может стать любая семья с большим ресурсом любви.

"Ребенок до трех лет вообще не должен попадать в интернатную систему"

В петербургском офисе автономной некоммерческой организации "Партнерство каждому ребенку" сотрудников мало, проектов много, и каждый проект — отдельная история взаимоотношений НКО с государственными структурами, которые иногда превращаются в партнерство.

Программа, благодаря которой Сережа попал в семью, а не в больницу, называется "Дорога к маме". Семьи, которые принимают к себе детей на основании временной опеки, здесь называют не профессиональными, а партнерскими.

"Дорога к маме" придумана два года назад, за это время ни один ребенок, взятый в программу, не попал в сиротское учреждение. Директор по развитию организации "Партнерство каждому ребенку" Джоанна Роджерс говорит, что это главное достижение проекта: "В 2013-м году у нас было 15 случаев отказа мам от младенцев. Двоих детей в итоге усыновили, один ушел в приемную семью, одного взяла родная бабушка под опеку, остальных вернули кровным матерям. Это нас очень радует".

Работу с кровными матерями здесь считают самой важной: поэтому специалисты фонда выезжают в родильные дома, как только узнают о появлении отказника. "Часто случается так, что мамы совсем молодые, и они не знают, куда идти с ребенком, и боятся своих родных,— говорит Джоанна.— И в этот период для них важно найти поддержку, жилье. У нас была 15-летняя мама с ребенком, ей некуда было идти. Мы разместили их в партнерской семье, пока искали ее бабушку. Бабушку нашли, она оформила опеку над внучкой и ее ребенком". Специалисты говорят, что попадание младенцев в сиротские учреждения нужно предотвращать любыми методами: именно в первые два года жизни ребенок получает то развитие, которое определяет всю его дальнейшую жизнь. Если вернуть ребенка матери невозможно, нужно найти для него временную семью. Джоанна рассказывает о ребенке, которого мама оставила в роддоме,— он прожил в больнице три месяца, молча, не фокусируя взгляд, почти не реагируя на звуки. Он привык, что к нему никто не подходит, никто не откликается на его потребности. Но через два дня после того, как его взяли в партнерскую семью, ребенок начал устанавливать индивидуальный контакт с взрослыми: фокусировал взгляд на лицах. А еще через два дня стал плакать, понимая, что на его призыв взрослые теперь откликнутся.

— В Национальной стратегии России написано, что ребенок до трех лет вообще не должен попадать в интернатную систему,— говорит директор "Партнерства" Людмила Сорокина.— Но без развития института профессиональной семьи это невозможно.

Затраты на оплату труда партнерских семей, принимающих младенцев-отказников на временную опеку, невысокие — по мнению сотрудников фонда, они определенно меньше затрат на содержание ребенка в доме ребенка. Пока работу партнерских семей оплачивает "Партнерство", но в перспективе это должно делать государство.

— Система оплаты такая: если семья заключила договор с органами опеки и попечительства в своем районе и с нашей организацией, она каждый месяц получает зарплату в размере одного МРОТ: 7300 руб. в области и 8696 руб. в Санкт-Петербурге. Если в семью поступил ребенок, оплата увеличивается в три-четыре раза, в зависимости от состояния здоровья ребенка. В Санкт-Петербурге минимальная зарплата партнерской семьи в такой ситуации — 30 тыс. руб., максимальная — 35 тыс. руб. В доме ребенка государство тратит на содержание малыша в среднем более 100 тыс. руб. в месяц.

Профессиональные семьи нужны не только в тех случаях, когда ребенок становится сиротой. В "Партнерстве" говорят, что российская сиротская система пополняется

за счет кризисных семей или семей, имеющих детей с инвалидностью. В течение трех лет благодаря гранту Евросоюза фонд исследовал причины попадания детей в сиротские учреждения: специалисты опросили более 800 детей в возрасте 10 лет, живущих без родительского попечения, в интернатах и детских домах. Всего 15% опрошенных рассказали, что оказались в детском доме, потому что их жизни угрожала опасность. Остальные 85% детей могли бы сегодня жить в семьях, если бы им в свое время была оказана необходимая социальная поддержка.

Для того чтобы дети из таких семей не попадали в интернатную систему, где они, как правило, постепенно становятся сиротами, необходимо давать передышку мамам, имеющим детей с инвалидностью. Именно так и назвали свою программу помощи кризисным семьям в "Партнерстве" — "Передышка". В проекте сегодня участвуют 153 кризисных семьи и 40 партнерских семей.

— В среднем мы можем предоставить семьям, где воспитываются дети с инвалидностью, 360 часов "передышки" в год,— говорит Людмила Сорокина.— Это несколько часов или дней в течение года на выбор или две недели подряд. По условиям нашего проекта партнерская семья работает примерно два раза в неделю. Если семье нужно больше, мы стараемся учитывать ее потребности. Есть у нас такая семья: мама с двумя девочками-близнецами, у девочек инвалидность, нарушения развития. Родственники ей не помогают. Маме надо иногда ходить в магазин, оформлять какие-то документы, возить одного из детей на реабилитацию. И мы совместно с этой мамой разработали индивидуальный план оказания услуг в рамках программы "Передышка". Мы нашли партнерскую семью, которая им помогает.

Если таким семьям не помогать, многие из них рано или поздно приходят к мысли о необходимости отдать ребенка временно в интернат, где ему будут оказывать услуги в реабилитации и образовании. На которые у самой мамы нет времени. Большинство таких детей остаются в интернатной системе навсегда.

В "Партнерстве" говорят, что помощь таким семьям может снизить сиротство на 50% — именно столько в среднем родительских детей живет в сиротских учреждениях по всей стране. По подсчетам специалистов, на содержание ребенка с инвалидностью в интернате государство расходует более 1 млн руб. в год. Чтобы родители получили "передышку" и ребенок остался в родной семье, нужно привлечь от 5 до 90 тыс. руб. на семью в год.

— Мы хотели бы включить в свою программу больше семей, но возможности ограничены: сопровождение 153 кризисных семей силами 40 партнерских семей обходится нашей организации в 5,6 млн руб.,— говорит Людмила Сорокина.— В

прошлом году 700 тыс. руб. нам выделила администрация Санкт-Петербурга. Представительство Евросоюза в Москве дает нам грант на оплату 3,5 ставки для специалистов, которые обучают наши партнерские семьи и сопровождают кризисные семьи. Мы бы очень хотели развивать этот проект, потому что он перспективный и дает очень хорошие результаты. Для этого нужно привлекать благотворительные средства. По данным организации, сегодня в Санкт-Петербурге 2 тыс. семей нуждаются в "Передышке".

"Я детдомовская, но материнский инстинкт у меня сильный"

Выпускница детского дома N41 Оксана Орлова попала в "Передышку" два года назад, когда ее пятилетняя дочь Катя, больная эпилепсией, попала в инфекционную больницу. Оксане пришлось лечь в больницу с Катей. Потому что за ребенком нужен был особенный уход. Двоих детей с инвалидностью — Машу и Абаса — "Партнерство" разместило на время в партнерской семье. С тех пор эта семья иногда помогает Оксане.

Орлова живет на улице Стойкости на окраине Петербурга. Вся ее жизнь — пример постоянного сопротивления обстоятельствам.

— Мать наша пила, соседи все время жаловались, и мой старший брат сам пошел в суд, чтобы ее лишили родительских прав,— вспоминает Оксана.— Нас забрали: меня в 41-й детский дом, а братьев — в 9-й. Мать не спорила, отец тоже. Никогда я больше не видела свою мать. Я сбегала с друзьями из детского дома, жили мы в подвалах. Какие-то женщины обратили на нас внимание и заселили в большую квартиру, которая потом стала приютом. Там была воспитательница, которая до этого работала в 9-м детском доме, и она знала моих братьев. Так братья меня нашли, мне было уже 14 лет. Мы сейчас созваниваемся иногда. Но отношений у нас нет.

Когда Оксана вышла из детского дома, мэрия дала ей и братьям двухкомнатную квартиру в городе. Но братья уже жили с подругами, и Оксана оказалась там лишней. Поэтому квартиру продали, а ей купили комнату, 8 метров, в коммуналке, в центре города.

— И тогда меня нашел отец. Позвонила тетка моя и сказала: "Бабушка умерла, мебель осталась, нужна тебе?" Я сказала, что нужна. И вместе с мебелью приехал отец. И поселился. Все время пил. Вещи мои продавал. Я работала швеей-мотористкой, уходила на весь день. Прихожу, а соседка мне жалуется, что он пьет и кричит, что я не его дочь и он продаст мою комнату. Я позвала милицию и выставила его. Он потом долго где-то скитался. А потом умер.

Мы сидим в крошечной комнате — без мебели здесь метров 15, но свободного пространства — ровно чтобы пройти от двери до балкона. Нет ни дивана, ни кресел — двухъярусная широкая кровать и детская кроватка для маленькой Ксюши. Я сижу на табурете, прямо в проходе. Ксюша внимательно смотрит на меня и тянет руки к маме.

— Маша, возьми Ксюшу, — кричит Оксана в коридор. — Нам поговорить надо.

11-летняя Маша, яркая девочка с умными глазами, подхватывает Ксюшу и уносит ее в кухню.

Оксана — худая, бледная, с огромными черными глазами в пол-лица, сидит напротив меня на стуле. Она рассказывает мне всю свою жизнь так, будто мы очень давно знакомы.

Первый ее муж болел и умер. От него родилась Маша. Оксане с дочкой стало тесно в 8-метровой комнате, да и жить она там больше не хотела: давили воспоминания. Бывшая воспитательница из детского дома помогла поменять 8 метров в центре на 15 метров на окраине. Здесь тоже коммуналка, но места больше. И соседи не живут, их комнаты закрыты. Уже на новом месте Оксана познакомилась с мужчиной, который приехал в Петербург на заработки с Кавказа. Родились Абас и Катя.

— Он потерял работу и начал пить. Один раз сильно выпил и упал с высоты, разбил голову. Родственники забрали его домой, на родину. Я осталась с тремя детьми одна. А потом я познакомилась с отцом Ксюши. Он хороший человек, работающий. Он из Казахстана. Мы уже пять лет вместе. Год назад родилась Ксюша.

Маша с Ксюшей возвращаются в комнату — Ксюша капризничает. Оксана идет на кухню приготовить для Ксюши кашу, я иду следом по узенькому коридору, заставленному объемными мешками.

— Здесь одежда, которую нам дает организация "Родительский мост", — поясняет на ходу Оксана. — Но складывать ее негде, места у нас нет. Нам вообще благотворительные организации помогают. А вон там, у двери, — вещи, которые мы собрали к переезду.

В мае Оксане дали социальную квартиру в новом микрорайоне Петербурга, на Ленинском проспекте. Она ждала ее много лет. В квартире три комнаты, а во дворе большая детская площадка, наличие которой Оксану радует больше, чем новая квартира.

— Машка ждет не дождется, когда мы переедем,— Оксана улыбается, испуганно-настороженное выражение, как будто вросшее в ее лицо, исчезает.

В крошечной пятиметровой кухне не повернуться. Здесь сушится детское белье, варится суп, а на столе — пакет клубники и ноутбук. Оксана — продвинутый пользователь интернета, и это однажды помогло ей и детям.

— Они пришли в 2011-м, у меня было трое детей,— рассказывает про визит органов опеки.— Сказали, что я должна отдать Абаса по заявлению в детский дом. Что я не справляюсь. Я тогда осталась без работы — детский дом "Гелиос", где я была помощником воспитателя, закрыли, из детдома сделали детский сад, и меня сократили. Жили мы на детские пособия. Отец Абаса пил, не работал. Но я отказалась отдать ребенка в детдом. Опека подала на меня в суд, и пришли уже с милицией. Детей забрали в больницу, потом — в разные детские дома. Полгода они там жили...

— Там было ужасно,— раздается голос Маши у меня за спиной.

— У меня была истерика, я металась по городу из кабинета в кабинет,— голос Оксаны становится резким, глаза блестят.— Да, я детдомовская, но материнский инстинкт у меня сильный. У моей матери его не было, а у меня есть.

Она нашла в интернете адрес уполномоченного по правам ребенка Санкт-Петербурга Светланы Агапитовой и написала ей письмо. Агапитова обещала разобраться. Оксана собрала справки: из наркологического и психиатрического диспансеров о том, что не состоит на учете; свидетельские показания соседей и знакомых — что не пьет; справку с биржи труда — что уволена по сокращению; справки из школ — что дети учатся.

Суд вернул ей детей.

— Опека в суде сказала, что я не умею распоряжаться деньгами, трачу, покупаю дорогое. Что не могу поддерживать порядок в доме. Я живу как умею. Как меня научили. Я всю жизнь мечтала быть ветеринаром, люблю собак, а меня выпихнули в ПТУ из детдома. И жить в семье меня никто не научил. И условия наши вы сами видите — шесть человек в одной комнате. Но детей я люблю больше всего на свете. И они меня любят.

Звонит телефон — отец Ксюши говорит, что едет с работы и может забрать по пути Абаса и Катю из коррекционной школы.

— Он не пьет, работает сантехником, на продукты деньги у нас всегда есть,— говорит Оксана.— Но главное — о детях заботится. Фрукты им приносит. Поэтому мне и понравился. Не знаю, зачем я ему с кучей детей. Говорит, что любит меня. Что я простая. Он и сам из простых. А я думаю, что привык. А квартира у него своя есть, тут недалеко, там сын его живет.

Мы возвращаемся в комнату. Ксюша наелась каши, а Маша — клубники. Включили большой телевизор, притихли.

Когда родилась Ксюша, Оксана неделю лежала в роддоме, и детей забрала та же "профессиональная" мама Юля. Для Маши дом Юли — как другая планета.

— Что тебе там нравится? — спрашиваю я.

— У них компьютер есть,— говорит Маша, глядя в телевизор.

— И все?

— А еще Юля водила нас в парк и на карусели,— Маша оживляется, разворачиваясь ко мне.— Каждый день! Там так весело!

— Юля мне очень нравится,— говорит Оксана о партнерской маме.— И детям у нее хорошо. Я им всем очень благодарна, и Юле, и этому фонду, который нас с ней свел. И в цирк нас возили, и на елку. На Новый год был спонсорский концерт для детей-инвалидов, и нас пригласили. Там все было так вкусно! Дети сразу к столу побежали. И потом конфеты нам подарили и на машине до дома довели. Так отнеслись, как будто мы важные персоны.

Уже в дверях я спрашиваю Оксану, как устроились ее друзья по детскому дому.

— Кто-то спился. Кто-то уже умер. А кто-то шикарно живет, ипотеку взял.

С Юлей, партнерской (или профессиональной) мамой я встречаюсь в кафе. Немолодая, ухоженная женщина, короткая стрижка, джинсы. Улыбка, сияющие глаза. Юля когда-то работала в некоммерческом секторе, и в "Партнерстве" у нее знакомые по прошлой работе.

— Мне предложили поучаствовать в "Передышке", я решила попробовать — это интересно, дети у меня выросли, и я кому-то могу помочь. Я понимаю, что иногда для таких женщин, как Оксана, моя помощь может быть решающей.

Юля прошла обучение в "Партнерстве" — 72 часа обучения навыкам работы в условиях партнерской семьи и 24 часа школы приемных родителей. Ее работу

оплачивают только тогда, когда она принимает у себя детей (это может быть несколько дней в месяц). Час работы Юли в качестве профессиональной мамы стоит около 250 руб. Как говорят в "Партнерстве", в эту сумму входят и обучение Юли, и поддержка ее семьи специалистами фонда, и налоги.

— Могу сказать сразу, что деньги тут вовсе не главное,— Юля предваряет мои вопросы.— Работа у меня есть, муж тоже работает. Но когда я попробовала в первый раз, и у нас дома появились маленькие дети, я поняла, как мы сами изменились. У меня трое своих детей, и мои взрослые дети стали мне помогать. Играли с детьми, отвозили их в школу, опекали их. Я вдруг поняла, как изменилась моя семья: мы стали дружнее. Мои дети росли в обычной школе, они не знали, что есть дети с особенностями, а теперь они знают и не боятся. Они стали шире на мир смотреть. И граница между чужими и своими стала стираться. Мне кажется, такая работа выводит человека на новый уровень жизни. Когда ты уже живешь не только для себя, ты уже житель мира.

О семье Оксаны Юля отзывается с теплотой: "Маша — умница, учится на четверки. Аббас — мальчишка с характером, но добрый, я с ним нашла общий язык. Оксана просто молодец. Кому-то все дается в этой жизни, а он ничего не делает. А ей многое не дано, но она старается изо всех сил. Она пытается заложить под ноги своих детей фундамент, которого у нее не было. Где она берет силы, я не знаю. Это огромный труд". ●